

ОТ РЕАЛЬНОГО ДОМА К ДУХОВНОМУ ОЧАГУ: МОТИВЫ ВОЙНЫ И ДОМА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. БУЛГАКОВА*

From a Real Home to a Spiritual Hearth: The Motives of War and
Home in the Early Works of M. Bulgakov

Се Чжоу
xiezhou1234@163.com
Юго-западный университет (Чунцин, КНР)

Xie Zhou
xiezhou1234@163.com
Southwest University (Chong Qing, PRC)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 02.10.2022

Fecha de evaluación: 20.12.2022

Cuadernos de Rusística Española nº 18 (2022), 143 - 153

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматриваются мотивы войны и дома в раннем творчестве М. Булгакова, прослеживается процесс становления художественных особенностей и идейного развития писателя от антибольшевистской страсти к антивоенному пафосу и покаянию перед невинно пострадавшими в Гражданской войне. Исследуя такие ранние произведения Булгакова, как «Советская инквизиция», «Грядущие перспективы», «В кафе», «Необыкновенные приключения доктора», «Китайская история» и «Красная корона», мы приходим к выводу, что мотивы покаяния и искупления, мотив «дом» и связанные с ним мотивы «бездомье», «антидом» и «лжедом», которые берут свое начало из раннего творчества Булгакова, часто повторяются и развиваются, углубляются в последующих произведениях писателя. На раннем этапе творчества М. Булгаков проходит путь духовного развития от страстной борьбы за восстановление материального дома к поискам вечного духовного очага для всех грешников, в особенности для грешных интеллигентов.

Ключевые слова: Михаил Булгаков, раннее творчество Булгакова, Гражданская война в России, дом, покаяние интеллигента.

ABSTRACT

This article examines the motives of war and home in the early works of M. Bulgakov, traces the process of formation of artistic features and ideological development of the writer from anti-Bolshevik passion to anti-war pathos and repentance to innocent victims of the Civil War. Examining such early works of Bulgakov as *The Soviet Inquisition*, *Future Prospects*, *In a Cafe*, *The Extraordinary Adventures of a Doctor*, *A Chinese History* and *The Red Crown*, we come to the conclusion that the motives of repentance and redemption, the motif "home" and related motives "homelessness", "anti-home" and "false home", which originate from

* Статья подготовлена в рамках Пилотной программы инновационных исследований — 2035 Юго-Западного университета Китайской Народной Республики (supported by "Innovation Research 2035 Pilot Plan of Southwest University" № SWUPilotPlan023).

Bulgakov's early works, are often repeated and developed, deepened in subsequent works of the writer. In the first stage of his creations, M. Bulgakov managed to go through the path of spiritual development from a passionate struggle for the restoration of a material home to the search for an eternal spiritual hearth for all sinners, especially for sinful intellectuals.

Keywords: Mikhail Bulgakov, Bulgakov's early works, The Civil War in Russia, home, repentance of an intellectual.

ВВЕДЕНИЕ

У китайских читателей имя русского писателя М.А. Булгакова давно уже пользуется известностью и престижем, и главные его произведения, в особенности его шедевр — роман «Мастер и Маргарита» — глубоко и подробно изучены китайскими исследователями. Однако и в китайском, и в зарубежном булгаковедении на сегодняшний день не уделяется достаточного внимания произведениям писателя, относящимся к самому раннему периоду его творчества. Тем не менее творческие успехи и художественная специфика любого зрелого писателя обычно предопределяются именно его первоначальными опытами на литературной арене.

Ранний период творчества М.А. Булгакова приходился на тяжелые и ужасные годы революций и последующей за ними Гражданской войны, режима военного коммунизма и так называемой новой экономической политики. Будучи врачом по профессии, молодой писатель получает уникальную возможность лично находиться на фронте, проникается жестокостью и трагичностью войны. Поэтому в основе большинства произведений, написанных М.А. Булгаковым в годы войны и в первые послевоенные годы, лежат его впечатления от войны, его размышления о судьбе русской интеллигенции и о будущем своей Родины. Можно утверждать, что именно ранние произведения отражают стремление будущего «Мастера» слова к достоверному пониманию своего времени, духовные поиски и мировоззренческое становление молодого писателя в эпоху беспрецедентных исторических метаморфоз и катастроф, и, тем самым, предопределяют индивидуальный колорит всей литературной деятельности этого «благородного и гордого писателя-рыцаря, скрытого под маской смешного комика» (Се Чжоу 2009: 6).

БОРЕЦ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА

М.А. Булгаков родился и вырос в небогатой интеллигентской семье, где царил теплая и дружественная атмосфера. Особые воспоминания связаны у него с теплотой печки в столовой, с нежными, приятными звуками фортепиано в гостиной, с зеленым абажуром лампы, под которой за письменным столом читает отец. Все эти бытовые детали и жизненные картины неоднократно встречаются в переписке Булгакова с близкими и друзьями, в его прозаических и драматических произведениях, становясь, таким образом, атрибутами поэтического образа дома, утраченного после пролетарской революции. «С самого начала своей творческой жизни, особенно с первого романа «Белая гвардия», М.А. Булгаков неустанно выражает мечту об идеальном мире — тихом, мирном и вечном своем доме» (Жэнь Гуансюань 2006: 321).

Молодой Булгаков был расстроен, возмущен тем, что его дом был уничтожен во время пролетарской революции. При чтении многих эссе и фельетонов, написанных автором в годы Гражданской войны, отчетливо заметно, что, переживая горе от потери дома, он выступает убежденным сторонником белого движения. Так, в «Советской инквизиции», состоящей из трех эссе, которые были написаны Булгаковым в качестве репортера газеты «Киевское эхо» в августе-сентябре 1919 года и которые официально считаются первыми публикациями будущего писателя, Булгаков обличает жестокость и преступность чекистов: *«В «работе» чекистов поражает не только присущая им рафинированная, утонченно-садическая жестокость. Поражает всеобщая исключительная бесцеремонность в обращении с живым человеческим материалом. В глазах заплечных дел мастеров из ЧК не было ничего дешевле человеческой жизни»* (Булгаков 2004. Том 1: 622).

Читателя, знакомого с «Советской инквизицией», не удивит антибольшевистский тон в фельетоне «Грядущие перспективы», опубликованном в ноябре того же 1919 года. Здесь Булгаков в разгар Гражданской войны в очередной раз, с одной стороны, осуждает все уничтожающую насильственную революцию, а с другой стороны, выдвигает вопрос о восстановлении потерянного дома, о перспективах несчастной Родины: *«Теперь, когда несчастная родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала «великая социальная революция», у многих из нас чаще и чаще начинает являться одна и та же мысль. (...) Она проста: а что же будет с нами дальше?»* (Булгаков 2004. Том 1: 85).

Сопоставляя ситуацию в России и в Западной Европе, где уже «кончилась великая война великих народов» и «теперь они зализывают свои раны» (Булгаков 2004. Том 1: 85), Булгаков призывает к «расплате» и «смертной борьбе», чтобы «заковать, отнять свою собственную землю» (Булгаков 2004. Том 1: 86). Он уверен, что Россия, отстающая от западных стран, в конце концов вступит в «клуб западного мира»: *«И только тогда, когда будет уже поздно, мы вновь начнем кой-что создавать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы»* (Булгаков 2004. Том 1: 87).

В свое время некоторые исследователи пытались «нейтрализовать» политическую позицию М.А. Булгакова, ослабляя антибольшевистскую страсть, свойственную первым его публикациям. Так, британская исследовательница Лесли Милн (Lesley Milne) в своей книге «Михаил Булгаков. Критическая биография» по отношению к «Грядущим перспективам» подчеркивает следующее: «Прежде всего нужно отметить, что это не умышленно антибольшевистская вещь, а просто второстепенная публицистическая статья, в которой вежливо и провокационно выражается патриотизм обиженного амбиционного русского человека» (Милн 2001: 15). В свою очередь, известный российский булгаковед Б. Соколов видит в «Грядущих перспективах» «единственное произведение, где Булгаков смог открыто высказать свои взгляды на дальнейшую судьбу России и на большевизм». По мнению Б. Соколова, в «Грядущих перспективах» писатель «заявляет себя решительным западником и в западных демократиях видит для России образец развития. Однако содержание и тон написанного не оставляют сомнения, что автор «Грядущих перспектив» уже не верил в победу белого движения и осознал, что коммунистическая власть в стране установилась надолго, на несколько последующих поколений» (Соколов 2003: 187).

Следует отметить, что у М. Булгакова были неоднозначные отношения с советскими властями, в особенности с самим И.В. Сталиным, который, в частности, отмечал, что «основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы («Дни Турбиных» — *авт.*), есть впечатление, благоприятное для большевиков» (Сталин 1949: 328). Однако не следует забывать, что в разгар Гражданской войны молодой Булгаков занимал активную политическую позицию и выступал страстным противником большевизма. Враждебная позиция по отношению к большевизму явственно отражена, в частности, в эссе «В кафе», опубликованном в «Кавказской газете» в январе 1920 года. Автор призывает молодых штатских сражаться с большевиками:

— Идемте со мной, — я дам вам возможность записаться немедленно в часть. Там вам моментально дадут винтовку и полную возможность проехать на казенный счет на фронт, где вы можете принять участие в отражении ненавистных всем большевиков (Булгаков 2004. Том 1: 89).

Практически во всех своих ранних публикациях М. Булгаков выступает убежденным противником большевизма, испытывающим ненависть к пролетарской революции и стремящимся к восстановлению потерянного дома и возрождению Родины. Ради этой цели он даже откликается на призыв к «справедливой» войне. Китайский исследователь русской литературы У Цзэлинь, рассматривая «социально-жизненные и политические взгляды» М. Булгакова, среди причин критики и запрета произведений писателя со стороны советских властей отмечает следующую: «... начиная с «Ханьского огня», продолжая потом в «Роковых яйцах», «Собачьем сердце», вплоть до романа «Мастер и Маргарита», М. Булгаков никогда не скрывает своей антипатии к искусственной, неестественной «эволюции» и так называемому «созиданию» путем насильственной революции, и всегда демонстрирует свое ироническое, презрительное отношение к пролетариату и массовому народу, не принадлежавшему к интеллигенции» (Тань Дэлин, У Цзэлинь 2001: 236-237).

Однако, если расценивать ситуацию в соответствии с фактическим направлением последующего исторического развития России, политико-идеологические взгляды молодого Булгакова представляются наивными и бесперспективными, хотя они, может быть, и в самом деле были по-интеллигентски искренними и честными. Поражение белых в Гражданской войне привело к тому, что Булгаков пересматривает свои антибольшевистские взгляды. Автор, вероятно, осознает, что возродить родной дом, подобный дореволюционному очагу, уже фактически невозможно. С другой стороны, именно эти тяжелые переживания и душевные невзгоды подталкивают молодого писателя к размышлениям о сущности Гражданской войны, и, как следствие, к более глубокому осознанию трагичности войны. Отныне для писателя понятие «справедливость» не применимо ни к одной из сил, участвовавших в кровавой войне, а война представляется ему как антипод настоящему, мирному дому.

АНТИВОЕННЫЙ ПАФОС

В рассказе «Необыкновенные приключения доктора», опубликованном уже после Гражданской войны, в 1922 году, от первого лица рассказывается о фронтовых буднях доктора N, многократно мобилизованного разными властями на военную

службу. По сравнению с предыдущими булгаковскими произведениями, глубоко проникнутыми приподнятым духом борьбы, в «Необыкновенных приключениях доктора» живо и образно описываются страх, ненависть и безумие, которые несет с собой жестокая война. Так, молитвенным тоном Булгаков описывает страшную ночь, когда доктор N с казаками ночуют в одном из кавказских ущелий: *«Ущелье длинное. В ночных бархатах — неизвестность. Тыла нет. И начинает казаться, что оживает за спиной дубовая роца. Может, там уже ползут, припадая к росистой траве, тени в черкесках. Ползут, ползут... И глазом не успеешь моргнуть: вылетят бешеные тени, распаленные ненавистью, с воем, с визгом и... аминь!»* (Булгаков 2004. Том 1: 108).

Доктору N уже надоела война, и неслучайно, что в противовес войне ему вспоминается книжный кабинет с зеленой лампой: *«Заваливаюсь на брезент, съезживаюсь в шинели и начинаю смотреть в бархатный купол с алмазными брызгами. И тотчас взвизывает надо мной мутно-белая птица тоски. Встает зеленая лампа, круг света на глянцеватых листах, стены кабинета...»* (Булгаков 2004. Том 1: 108). Как следствие, доктор N не только не обвиняет фельдшера Голендюка в дезертирстве — он, наоборот, понимает его и сочувствует ему, ведь в конце концов доктор понял: *«Быть интеллигентом вовсе не значит обязательно быть идиотом... Проклятие войнам отныне и вовеки!»* (Булгаков 2004. Том 1: 113).

В данном рассказе, как нам представляется, отчетливо звучит антивоенный пафос, ранее не свойственный творчеству Булгакова. Это, в частности, отмечает Б. Соколов: *«В «Необыкновенных приключениях доктора» Булгаков заявил решительную антивоенную позицию, к которой привел его опыт первой мировой и гражданской войн»* (Соколов 2003: 388).

С художественной точки зрения рассказ «Необыкновенные приключения доктора» также представляет собой большой шаг вперед в творческой эволюции писателя. Хотя в основе сюжетов рассказа и лежат автобиографические воспоминания Булгакова — мобилизованного военного врача, налицо-многочисленные элементы художественного вымысла по сравнению с предыдущими произведениями. В этом смысле, ключевую роль играет необычная структура многопланового повествования от первого лица, напоминающая, в частности, нарративную форму в романе М. Лермонтова «Герой нашего времени». В основе рассказа лежат «бессвязные записки» доктора N, пропавшего без вести друга автора-«меня». Подобная форма повествования от первого лица позволяет не только непосредственно обнажить душевное состояние главного героя, но и дает автору возможность опустить излишние, с его точки зрения, детали повествования и особо сосредоточиться лишь на впечатлениях и переживаниях героя — в частности, по поводу того, что в записной книжке «некоторые места совершенно нельзя разобрать (у доктора N отвратительный почерк)» (Булгаков 2004. Том 1: 103). Этот факт уже был отмечен В. Петелиным: *«И дело даже не в событиях, как бы исторически важны они ни были, а в тех мыслях и чувствах, драматических испытаниях и переживаниях, которые воспроизведены в этом автобиографическом повествовании»* (Петелин 2004: 21).

Явный антивоенный мотив присутствует также в рассказе «Китайская история» (1923): на первый план выходит конфликт между жесточайшей до абсурда войной в Москве и мирным домом 23-летнего китайского ходи Сен-Зин-По в далекой

Небесной империи. В «Китайской истории» подчеркивается и бессмысленность войны, и бессмысленность участия в этой войне путем использования художественного приема отчуждения. Эффект отчуждения достигается, прежде всего, тем, что при жизнеописании главного героя Сен-Зин-По упоминается чуждая ему Москва и непонятная ему Гражданская война, на которую он нелепым образом попадает. Более того, атмосфера отчуждения усиливается: сам Сен-Зин-По представлен «загадочным ходи», который то и дело бормочет что-то «на никому не понятном языке» (Булгаков 2004. Том 1: 242). Название рассказа «Китайская история» сопровождается подзаголовком «6 картин вместо рассказа», и картины эти соответствуют шести главам. И рассказ действительно представляется как серия картин импрессионистов: не только все в Москве кажется герою незнакомым, фрагментарным, чуждым и непонятным, но и сама фигура этого «китайского камрада», неизвестно откуда появившегося, напоминает читателю импрессионистские силуэты. Благодаря вышеописанным эстетическим эффектам в рассказе и раскрывается идея абсурдности Гражданской войны и ничтожности человека на войне.

Однако, помимо ощущения отчуждения, в рассказе выделяется и другой мотив — мотив дома, который отчетливо проявляется во многократных галлюцинациях Сен-Зин-По, во время которых он видит родной дом своего детства на далекой родине, как будто в совсем другом, потустороннем мире. Этот «Эдемский сад» первый раз предстает перед героем тогда, когда он, голодный и почти окончательно замерзший, остается без крова в чужой для него Москве: *«Ходя зажмурил глаза, и тотчас же всплыло перед ним очень жаркое круглое солнце, очень желтая пыльная дорога, в стороне, как золотая стена, — гаолян, потом два раскидистых дуба, от которых на растрескавшейся земле лежала резная тень, и глиняный порог у фанзы. И будто бы ходя — маленький, сидел на корточках, жевал очень вкусную лепешку, свободной левой рукой гладил горячую, как огонь, землю. Ему очень хотелось пить, но лень было вставать, и он ждал, пока мать выйдет из-за дуба. У матери на коромысле два ведра, а в ведрах студеная вода...»* (Булгаков 2004. Том 1: 243)

Конечно, нельзя утверждать, что у Сен-Зин-По не было никакого представления о своей «карьере» в революции и на Гражданской войне. Для такого, как он, «революционера» из люмпен-пролетариата революция всегда означала хлеб, тепло и женщин. Так, опиум вызывает у Сен-Зин-По галлюцинацию: в хрустальном зале его принимает Ленин. *«Погрел в колокола, Ленин водил ходю на балкон — показывать Красную армию. Жить — в хрустальном зале. Тепло — есть. Настька — есть. Настька, красавица неописанная, шла по хрустальному зеркалу, и ножки в башмачках у нее были такие маленькие, что их можно было спрятать в ноздрю»* (Булгаков 2004. Том 1: 246).

В этой связи интересен тот факт, что незадолго до появления «Китайской истории» М. Булгакова китайский писатель Лу Синь пишет повесть «Подлинная история А-Кью» (1921), в которой появляется «сподвижник» Сен-Зин-По — А-Кью, также мечтающий участвовать в революции, чтобы ограбить богатых, отомстить за себя и выбрать себе женщину. Как и Лу Синь, с горечью размышляющий о проблемах китайского национального характера, М. Булгаков всегда обладал проницательностью в изображении «страшных черт моего народа» (Булгаков 2004. Том 8: 216), а следовательно, можно сказать, что, хотя в рассказе Булгакова Сен-

Зин-По представлен в облике невежественного китайца, его можно рассматривать как предтечу образа Полиграфа Полиграфовича Шарикова в более поздней повести писателя «Собачье сердце».

«Сен-Зин-По живет только элементарными физиологическими потребностями и инстинктами, подтверждая тем самым мысль философа С.Н. Булгакова о народе, в революции заботящемся только об удовлетворении физических потребностей и забывшем о духовном» (Соколов 2003: 259). С мнением этим можно, в принципе, согласиться, но не на все сто процентов, ведь когда галлюцинация отступает у Сен-Зин-По, после «удовлетворения физических потребностей», у него в очередной раз появилась многократно возникающая тоска по родине, по матери: *«Ленин в награду сыграл для ходи громоносную мелодию на колоколах и повесил ему на грудь бриллиантовую звезду. Колокола опять пошли звенеть и вызвонили, наконец, на хрустальном полу поросль золотого гаоляна, над головой круглое, жаркое солнце и резную тень у дуба... И мать шла, а в ведрах на коромыслах у нее была студеная вода»* (Булгаков 2004. Том 1: 246).

Однако подобное превращение материальной награды в духовную потребность оказывается нереальным и невыполнимым. В конце рассказа жестко сталкиваются смерть на войне и жажда возвращения домой: *«Ходя встал, усилием воли задавил в себе боль в груди и ту зловещую тревогу, что вдруг стеснила сердце. В последние мгновенья чудесным образом перед ним под жарким солнцем успела мелькнуть потрескавшаяся земля и резная тень и поросль золотого гаоляна. Ехать, ехать домой (...) Черные часы с золотыми стрелками успели прозвенеть мелодию грохочущими медными колоколами, и вокруг ходи засверкал хрустальный зал»* (Булгаков 2004. Том 1: 251).

Б. Соколов, говоря о примитивном понимании Гражданской войны Сен-Зин-По, отмечает: «И перед смертью в сознании главного героя возникает прежняя «хрустальная» галлюцинация с колоколами. Здесь показан трагический результат гражданской войны — гибель людей» (Соколов 2003: 260). Налицо тот факт, что, вскрывая непримиримый конфликт между жестокой, абсурдной войной и мирным родным очагом, Булгаков коренным образом меняет свое прежнее убеждение о том, что необходимо сражаться на войне для восстановления потерянного дома. Хотя в «Китайской истории» еще заметна антипатия писателя к большевистской революции, в качестве главного мотива рассказа здесь уже выступает антивоенный пафос.

КАЮЩИЙСЯ ИНТЕЛЛИГЕНТ

М. Булгаков откровенно заявил о себе как о «писателе, кровно связанном с интеллигенцией» (Булгаков 2004. Том 8: 217). Так, в рассказе «Красная корона» (1922) не только затронута несовместимость войны с подлинным теплом родного очага, но и поднят вопрос о нравственной ответственности интеллигента за Гражданскую войну и его совести перед жертвами военного насилия. «По Булгакову, протест против насилия — моральный долг всякого интеллигентского человека» (Соколов 2003: 260).

Если ранние фельетоны и эссе, написанные Булгаковым в военные годы, насыщены политико-идеологической страстью, и в них звучит призыв к участию в «справедливой» войне, то в «Красной короне» внимание писателя сосредоточено на жертвах войны, причем подчеркивается, что ни одна сторона Гражданской войны, — ни белая, ни красная, — не может иметь оправдания в совершаемом ими военном преступлении. Герой-рассказчик видит, как в Бердянске по приказу генерала на фонаре вешают рабочего «со щекой, вымазанной сажей» только потому, что у этого рабочего в сапоге нашли скомканную бумажку с печатью. Однако рассказчик от страха и из трусости не осмеливается выступить против этой зверской казни. И только потом, сойдя с ума, он готов смело осудить такое зверство: *«Господин генерал, вы — зверь! Не смейте вешать людей!»* (Булгаков 2004. Том 1: 175).

В данном случае «щека, вымазанная сажей у рабочего» не только функционирует как профессиональный знак, но и напоминает читателям помазание головы Иисуса Христа, и, таким образом, образует параллель с невинно пострадавшими. Отсюда видно, что Булгаков, отказываясь от своих прежних представлений, рассматривает этого рабочего уже не как представителя пролетариата или какого-либо общественного класса, а как отдельно взятого, живого человека, который стал жертвой войны.

С другой стороны, рассказчик все время испытывает угрызения совести за то, что не забрал домой к матери брата, который пошел с эскадром на сражение и который всего лишь за час погиб в бою. С тех пор рассказчику стал часто сниться брат с разбитой головой (как будто в «красной короне»). Более того, рассказчик считает себя виновным не только в гибели своего брата, но еще и в том, что послал его на смертельное дело, на убийство. В этом смысле он точно такой же преступник и палач, как тот генерал в Бердянске, который повесил невинного рабочего. Рассказчик считает, что он преступен не менее генерала и что он тоже отвечает за человека, выпачканного сажей. Поэтому в своем сознании рассказчик обращается к господину генералу: *«Впрочем, может быть, вы тоже не одиноки в часы ночи? Кто знает, не ходит ли к вам тот, грязный, в саже, с фонаря в Бердянске? Если так, по справедливости мы терпим. Помогать вам повесить я послал Колю, вешали же вы. По словесному приказу без номера»* (Булгаков 2004. Том 1: 180).

Рассказчик с горечью осознает, что и казнь большевистского рабочего, и гибель брата-белогвардейца — невинные страдания и национальная трагедия, более того — трагедия человечества, которая в большой степени обусловлена его жадной возмездия и призывом к сражениям и убийствам. «В рассказах «Необыкновенные приключения доктора», «В ночь на 3-е число», «Красная корона» и др. Булгаков утверждает, что интеллигент полностью ответственен за то, что происходит в стране» (Галинская 2003: 84). Именно в этом заключается новое постижение Булгаковым сущности Гражданской войны, его покаяние и желание искупить грехи, совершенные им, как русским интеллигентом, в ранние годы своего творчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идейные мотивы в раннем творчестве М. Булгакова повторяются и развиваются во многих его последующих произведениях. Так, например, его сомнительное отношение к большевистской революции и «эволюции» заметны и в повестях «Роковые яйца», и «Собачье сердце». Что касается его раннего убеждения о справедливости и непобедимости белогвардейцев в Гражданской войне, то в романе «Белая гвардия» писатель с сочувствием, сожалением и легкой иронией повествует об испытаниях и переживаниях Турбиных, честных, но немножко наивных, обманутых суровой судьбой. В свою очередь, мотив покаяния и искупления в рассказе «Красная корона» будет углублен в романе «Мастер и Маргарита»: образ Понтия Пилата, приказавшего казнить невинного Иешуа, непосредственно связан с образом генерала и самого рассказчика «Красной короны». М. Булгаков, осуждая насилие и убийство, описывает вечные угрызения совести палачей, к которым можно отнести и высокопоставленных генералов, и простых людей, и интеллигентов. Именно в этом заключается главный аспект идейных мотивов древней истории о Понтии Пилате в романе «Мастер и Маргарита».

Мотив «Дом и Бездомье» в произведениях М. Булгакова рассматривался многими исследователями, в частности Ю.М. Лотманом, который выделяет и анализирует бинарную оппозицию «Дом — Антидом» в «Мастере и Маргарите», воплощенную на антитезах «дом — лес», «свое — чужое» и «земное — небесное» (Лотман 1997: 748). Следуя концепции Лотмана, можно сказать, что для Булгакова почти все дома в реальной Москве оказываются разновидностями «Антидома», в том числе и нехорошая квартира №50, и психиатрическая клиника профессора Стравинского, и особняк, где живет Маргарита с мужем, и в особенности роскошный, но «адский» Дом Грибоедова. Единственным домом в реальной жизни для Мастера было бы две комнаты в подвале, которые он снимает у застройщика, потому что там есть печь, книги и лампа с абажуром, есть любовь и домохозяйка. Но в конце концов все эти материальные дома горят вследствие пожара, и Мастер и Маргарита по лунному лучу уходят к своему вечному духовному дому.

Китайская исследовательница Чжао Сяобинь, развивая концепцию Ю. Лотмана, отмечает, что в романе «Мастер и Маргарита» представлено два противостоящих мира: «Дом» и «Лжедом» (т.е., «Ложный дом» — *авт.*). По мнению исследовательницы, многие персонажи Булгакова, претендуя на ложные дома в людском, дьявольском и мифологическом мирах, забывают «последний их приют» и «моральные критерии», и тем самым теряют «духовный дом и веру в бога» (Чжао Сяобинь 2007: 67). Анализ ранних произведений М. Булгакова на тему войны и дома, предлагаемый в данной статье, позволяет сделать вывод, что писатель, обнажив конфликт между насилием и настоящим домом, проходит путь духовного развития от страстной борьбы за восстановление материального дома к искуплению грехов русских интеллигентов, к поискам вечного духовного очага для всех грешников, особенно для грешных интеллигентов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БУЛГАКОВ М.А. (2004). Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 1: Дьяволиада: Повести, рассказы, фельетоны, очерки. ЗАО Центрполиграф, Москва.
- БУЛГАКОВ М.А. (2004). Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 8: Письма. ЗАО Центрполиграф, Москва.
- ГАЛИНСКАЯ И.Л. (2003). Этика, эстетика, поэтика, философия произведений М.А. Булгакова. В кн.: Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. Издательский дом ИНИОН, Москва.
- ЖЭНЬ ГУАНСЮАНЬ (2006). Краткая история русской литературы. Издательство «Пекинский университет», Пекин.
- Лотман Ю.М. (1997). Дом в «Мастере и Маргарите». В кн.: О русской литературе: Статьи и исследования (1958-1993). Искусство, СПб.
- Милн Л. (2001). Михаил Булгаков. Критическая биография. Издательство «Хуася», Пекин.
- Петелин в.в. (2004). Часы жизни и смерти. В кн.: Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 1: Дьяволиада: Повести, рассказы, фельетоны, очерки. ЗАО Центрполиграф, Москва.
- СЕ Чжоу (2009). Введение. В кн.: Писатель-рыцарь под смешной маской: о прозаическом творчестве М.А. Булгакова. Чунцинское издательство, Чунцин.
- СОКОЛОВ Б.В. (2003). Булгаков. Энциклопедия. Алгоритм, Москва.
- СТАЛИН И.В. (1949). Сочинения. Том 11. 1928 — март 1929. Государственное издательство политической литературы, Москва.
- ТАНЬ ДЭЛИН, У ЦЗЭЛИНЬ (2001). Литература оттепели и возвращенная литература. Издательство «Пекинский педагогический университет», Пекин.
- ЧЖАО СЯОБИНЬ (2007). «Дом» и «Лжедом»: два противостоящих духовных мира в романе «Мастер и Маргарита». Исследование зарубежной литературы. № 4. С. 60-67.

BIBLIOGRAPHY

- BULGAKOV M.A. (2004). *Sobranie sochinenij: V 8 tomakh. T. 1: D'yavoliada: Povesti, rasskazy, fel'etony, ocherki.* ZAO Centrpoligraf, Moskva.
- BULGAKOV M.A. (2004). *Sobranie sochinenij: V 8 tomakh. T. 8: Pis'ma.* ZAO Centrpoligraf, Moskva.
- GALINSKAYA I.L. (2003). *Jetika, jestetika, pojetika, filosofiya proizvedenij M.A. Bulgakova.* V kn.: *Nasledie Mikhaila Bulgakova v sovremennykh tolkovaniyakh.* Izdatel'skij dom INION, Moskva.
- LOTMAN YU.M. (1997). *Dom v "Mastere i Margarite".* V kn.: *O russoj literature: Stat'i i issledovaniya (1958-1993).* Iskusstvo, CPb.
- MILNE L. (2001). *Mikhail Bulgakov. Kriticheskaya biografiya.* Izdatel'stvo "Huaxia", Pekin.
- PETELIN V.V. (2004). *Chasy zhizni i smerti.* V kn.: *Sobranie sochinenij: V 8 tomakh. T. 1: D'yavoliada: Povesti, rasskazy, fel'etony, ocherki.* ZAO Centrpoligraf, Moskva.
- REN GUANGXUAN (2006). *Kratkaya istoriya russoj literatury.* Izdatel'stvo "Pekinskij universitet", Pekin.

- SOKOLOV B.V. (2003) Bulgakov. Enciklopediya. Algoritm, Moskva.
- STALIN I.V. (1949). Sochineniya. Tom 11. 1928 — mart 1929. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moskva.
- TAN DELING, WU ZELIN (2001). Literatura ottepeli i vozvrashchennaya literature. Izdatel'stvo "Pekinskij pedagogicheskij universitet", Pekin.
- XIE Zhou (2009): Vvedenie. V kn.: Pisatelj-rycar' pod smeshnoj maskoj: o prozaicheskom tvorchestve M.A. Bulgakova. Chuncinskoe izdatel'stvo, Chuncin.
- ZHAO XIAOBIN (2007). "Dom" i "Lzhedom": dva protivostoyashchikh dukhovnykh mira v romane "Master i Margarita". Issledovanie zarubezhnoj literatury. № 4. S. 60-67.